

СТ 769

ЕВГЕНІЙ
ОНЪГИНЪ.

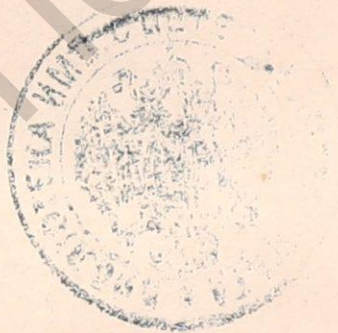
ГЛАВА ТРЕТІЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1827.

СІЛІТІ

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ.

С 1767

БИБЛИОТЕКА

81769

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ,

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1827.

Перевод
1950

Лен. Гос. Ун-т
Научная
Библиотека им.
Горького

51752

ЕВГЕНИЙ ОНУФРИЙ

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ

СОДЕРЖАНИЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА

Съ дозволенія Правительства.

СПБГ

САМЪИ ТИТЪРЪ

ВЪ УЧЕБНИИ АКАДЕМИИ НАРОДНО

ПРОСВЕЩЕНІЯ

1857

2288

1850
1851
1852

Литва
Судителю
Начальн
Литва

Первая глава Евгения Онегина, написанная въ 1823 году, появилась въ 25. Спустя два года, издана вторая. Эта медленность произошла отъ постороннихъ обстоятельствъ. Отнынѣ изданіе будетъ слѣдовать въ непрерывномъ порядкѣ: одна глава тотчасъ за другою.

.....

Illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page.

СПбГУ

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

СПБГУ

ELLE ÉTAIT FILLE, ELLE ÉTAIT AMOUREUSE.

СП6ГУ

ЕВГЕНІЙ ОНЬГИНЪ.

—*—

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

I.

« Куда? Ужь эши мнѣ пошны! »

— Прощай, Онѣгинъ, мнѣ пора.

« Я не держу себя; но гдѣ шы

« Свои проводишь вечера? »

— У Лариныхъ. — « Вошь эшо чудно.

Помилуй! и шебѣ не шрудно

Тамъ каждый вечеръ убивашь? »

— Ни мало. — « Не могу понятьъ.

Опсель вичу, что такое:
 Впервыхъ (слушай, правь-ли я?),
 Просная, руская семья,
 Къ гостямъ усердіе большое,
 Варенье, вѣчный разговоръ
 Про дождь, про лень, про скопный дворъ...»

II.

— Я шуть еще бѣды не вичу.
 « Да скука, вошь бѣда, мой другъ. »
 — Я модный свѣшь вашъ ненавижу;
 Милѣ мнѣ домашній кругъ,
 Гдѣ я могу... — « Опяшь эклога!
 Да полно, милый, ради Бога.
 Ну чтожь? шы ѣдешь: очень жаль.
 Ахъ, слушай, Ленской; да не лзяль
 Увидѣшь мнѣ Филлиду эшу,
 Предмешъ и мыслей, и пера,

И слезь, и приемъ et cetera?
 Представь меня.»—Ты шушишь.—«Нѣшу.»
 — Я радъ.— «Когдаже?» — Хоть сей часъ.
 Онъ съ охотой примушь насъ.

III.

Поѣдемъ. —

Поскакали други,
 Явились; имъ распочены
 Порой шяжелыя услуги
 Госпепрѣимной старины.
 Обрядъ извѣстный угощенья:
 Несушь на блюдечкахъ варенья,
 На споликъ спавяшь воцаной
 Кувшинъ съ брусничною водой.

IV.

Они дорогой самой крапкой
 Зимой лешяпъ во весь опоръ.
 Теперь подслушаемъ украдкой
 Героевъ нашихъ разговоръ.

— Ну чшожь, Онѣгинъ? пы зъвась. —
 « Привычка, Ленской. » — Но скучась
 Ты какъ-шо больше — « Нѣшь, равно.
 Однако въ полѣ ужъ шемно;
 Скорѣй! пошоль, пошоль, Андрюшка!
 Какія глупыя мѣста!
 А, кешаши: Ларина прѣста,
 Но очень милая спарушка;
 Боюсь: брусничная вода
 Мнѣ не надѣлала бь вреда.

V.

Скажи: кошорая Ташьяна? »
 — Да ша, кошорая, грушна

И молчалива какъ Свѣшлана,
 Вошла и сѣла у окна. —
 « Не ужь-по шы влюбленъ въ меншую? »
 — А чшо? — « Я выбрала бы другую,
 Когда бь я была какъ шы поэшъ,
 Въ черпахъ у Ольги жизни нѣшъ,
 Какъ у Вандиковой Мадонь:
 Кругла, красна лицомъ она,
 Какъ эша глупая луна
 На эшомъ глупомъ небосклонѣ. »
 Владимірь сухо ошвѣчалъ
 И послѣ во весь пушъ молчалъ.

VI.

Межъ шѣмъ Онѣгина явленье
 У Лариныхъ произвело
 На всѣхъ большое впечатлѣнье
 И всѣхъ сосѣдей развлекло.

Пошла догадка за догадкой.
Всѣ спали полковашь украдкой,
Шушишь, судишь не безъ грѣха,
Ташьянѣ прочишь жениха;
Иные даже ушверждали,
Что свадьба слажена совсѣмь,
Но оспановлена за шѣмь,
Что модныхъ колець не доспали.
О свадьбѣ Ленскаго давно
У нихъ ужь было рѣшено.

VII.

Ташьяна слушала съ досадою
Такія сплешни; но пайкомъ
Съ неизьяснимою опрадою
Невольно думала о шомъ;
И въ сердце дума заронилась;
Пора пришла, она влюбилась.

Такъ въ землю падшее зерно
 Весны огнемъ оживлено.
 Давно ея воображенье,
 Сгарая нѣгой и шоской,
 Алкало пици роковой;
 Давно сердечное помленье
 Тѣснило ей младую грудь;
 Душа ждала... кого нибудь,

VIII.

И дождалась. Ошкрылись очи;
 Она сказала: эшо онъ!
 Увы! шеперь и дни и ночи,
 И жаркй одинокй сонъ,
 Все полно имъ; все дѣвѣ милой
 Безъ умолку волшебной силой
 Твердишь о немъ. Докучны ей
 И звуки ласковыхъ рѣчей,

И взоръ заботливой прислуги.
Въ уныніе погружена,
Гостей не слушаешь она,
И проклинаешь ихъ досуги,
Ихъ неожиданный прїездъ
И продолжишельный прїездъ.

IX.

Теперь съ какимъ она вниманьемъ
Читаешь сладоспный романъ,
Съ какимъ живымъ очарованьемъ
Пьешь обольстительный обманъ!
Щасливой силою мечшанья
Одушевленные созданья,
Любовникъ Юліи Вольмаръ,
Малежъ-Адель и де Линарь,
И Вершеръ, мученикъ мяшежной,
И безподобный Грандисонъ,

Который намъ наводишь сонъ,
 Всѣ для мечшательницы нѣжной
 Въ единой образъ облеклись,
 Въ одномъ Онѣгинѣ слились.

X.

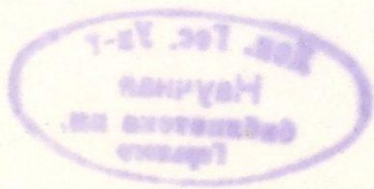
Воображался героиней
 Своихъ возлюбленныхъ шворцовъ,
 Кларисой, Юліей, Дельфиной,
 Ташьяна въ пишинѣ лѣсовъ
 Одна съ опасной книгой бродишь,
 Она въ ней ищешь и находишь
 Свой шайный жаръ, свои мечшы,
 Плоды сердечной полнопы,
 Вдыхаешь, и себѣ присвоя
 Чужой восшоргъ, чужую грусть,
 Въ забвеньи шепчешь наизусть
 Письмо для милаго героя....

Но нашъ герой, кто бъ ни былъ онъ,
Ужъ вѣрно былъ не Грандисонъ.

XI.

Свой слогъ на важный ладъ наспроя,
Бывало, пламенный шворецъ
Являлъ намъ своего героя
Какъ совершенства образецъ.
Онъ одарялъ предметъ любимый,
Всегда неправедно гонимый,
Душой чувствившейся, умомъ
И привлекательнымъ лицомъ.
Пишая жаръ чистѣйшей срасти,
Всегда воспорженный герой
Гошовъ былъ жершвовашъ собой,
И при концѣ послѣдней части
Всегда наказанъ былъ порокъ,
Добру доспойный былъ вѣнокъ.

XII.

А нынче всё умы въ шуманъ ,
 Мораль на насъ наводишь сонъ ,
 Порокъ любезень и въ романъ ,
 И шамъ ужъ поржешшвуешь онъ.
 Бришанской музы небылицы
 Тревожашъ сонъ опроковицы ,
 И спаль шеперь ея кумиръ
 Или задумчивый Вампиръ ,
 Или Мельмошъ , бродяга мрачной ,
 Иль вѣчный жидъ , или Корсаръ ,
 Или шаиншвенный Сбогаръ.
 Лордъ Байронъ прихошью удачной
 Облекъ въ унылый романшизмъ
 И безнадежный эгоизмъ.

XIII.

Друзья мои , чпожь полку въ эпюмъ ?
 Бышь можешь , волею небесъ ,

Я перестану бышь поэтомъ,
 Въ меня вселился новый бѣсъ,
 И Фебовы презрѣвъ угрозы,
 Унижусь до смиренной прозы;
 Тогда романъ на сшарый ладъ
 Займешь веселый мой закашъ.
 Не муки шайныя злодѣйства
 Я грозно въ немъ изображу,
 Но просто вамъ перескажу
 Преданья рускаго семейства,
 Любви плѣнительные сны,
 Да нравы нашей сшарины.

XIV.

Перескажу простыя рѣчи
 Ошца иль дяди сшарика,
 Дѣшей условленныя вспрѣчи
 У сшарыхъ липъ, у ручейка;

Несчастной ревности мученья,
 Разлуку, слезы примиренья,
 Поссорю вновь и наконецъ
 Я поведу ихъ подъ вѣнецъ...
 Я вспомню рѣчи нѣги снрашной,
 Слова поскующей любви,
 Кошорья въ минувши дни
 У ногъ любовницы прекрасной
 Мнѣ приходили на языкъ,
 Опъ коихъ я шеперь ошвыкъ.

XV.

Ташьяна, милая Ташьяна!
 Съ побой шеперь я слезы лью,
 Ты въ руки моднаго пирана
 Ужь опдала судьбу свою.
 Погибнешь, милая; но прежде
 Ты въ ослѣпительной надеждѣ

Блаженство шемное зовешь,
 Ты нѣгу жизни узнаешь,
 Ты пьешь волшебный ядь желаній,
 Тебя преслѣдуютъ мечпы:
 Вездѣ воображаешь пы
 Приюты щасливыхъ свиданій;
 Вездѣ, вездѣ передъ побой
 Твой искусилъ роковой.

XVI.

Тоска любви Ташьяну гонитъ,
 И въ садъ идешь она груститъ,
 И вдругъ недвижны очи клонитъ,
 И льнь ей далѣ спушитъ.
 Приподнялася грудь, ланишы
 Мгновеннымъ пламенемъ покрышы,
 Дыханье замерло въ усахъ,
 И въ слухъ шумъ, и блескъ въ очахъ...

Наспанеть ночь; луна обходитьъ
 Дозоромъ дальный сводъ небесъ,
 И соловей во мглахъ древесъ
 Напѣвы звучные заводитъ.
 Тахьяна въ шемношѣ не спитъ
 И тихо съ няней говоритъ:

XVII.

« Не спится, няня: здѣсь такъ душно!
 Открой окно, да сядь ко мнѣ. »
 — Чшо, Таня, чшо съ тобой? — « Мнѣ скучно,
 Поговоримъ о спаринѣ. »
 — О чемъ же, Таня! Я, бывало,
 Хранила въ памяти не мало
 Спаринныхъ былей, небылицъ
 Про злыхъ духовъ и про дѣвицъ;
 А нынѣ все мнѣ шемно, Таня:
 Чшо знала, шо забыла. Да,

Пришла худая череда!
 Зашибло... — « Разскажи мнѣ, няня,
 Про ваши спарые года:
 Была шы влюблена шогда? »

XVIII.

— И, полно, Таня! Въ эти лѣша
 Мы не слыхали про любовь;
 А шо бы согнала со свѣша
 Меня покойница свекровь. —
 « Да какъ же шы вѣнчалась, няня? »
 — Такъ, видно, Богъ велѣлъ. Мой Ваня
 Моложе былъ меня, мой свѣшъ,
 А было мнѣ шринадцашъ лѣшъ.
 Недѣли двѣ ходила сваха
 Къ моей роднѣ, и наконецъ
 Благословиль меня ошець.
 Я горько плакала со спраха;

Мнѣ съ плачемъ косу расплели,
 Да съ пѣньемъ въ церковь повели.

XIX.

И вошь ввели въ семью чужую...
 Да ты не слушаешь меня... —
 « Ахъ, няня, няня, я поскую,
 Мнѣ пошно, милая моя:
 Я плакашь, я рыдашь гошова!... »
 — Дитя мое, ты нездорова;
 Господь помилуй и спаси!
 Чего ты хочешь, попроси...
 Дай окроплю свяшой водою,
 Ты вся горишь... — « Я не больна:
 Я... знаешь, няня,... влюблена. »
 — Дитя мое, Господь съ шобою! —
 И няня дѣвушку съ мольбой
 Крестила дряхлою рукой.

XX.

« Я влюблена, » шепшала снова
 Спарушкѣ съ горесшью она.
 — Сердечный другъ, ты нездорова. —
 « Оставь меня: я влюблена. »
 И между тѣмъ луна сіяла
 И темнымъ свѣсомъ озаряла
 Татьяна блѣдныя красы,
 И распушенные волосы,
 И капли слезъ, и на скамьикѣ
 Предъ героиней молодой,
 Съ плапкомъ на головѣ сѣдой,
 Спарушку въ длинной тѣлогрѣйкѣ;
 И все дышало въ шишинѣ
 При вдохновишельной лунѣ.

XXI.

И сердцемъ далеко носилась
 Татьяна, смошря на луну..

Вдругъ мысль въ умъ ея родилась...
 « Поди, оставь меня одну.
 Дай, няня, мнѣ перо, бумагу,
 Да споль подвижь ; я скоро лягу ;
 Проспи. » И вопшь она одна.
 Все шихо. Свѣшипшь ей луна.
 Облокопясь, Тапьяна пишешь,
 И все Евгенийъ на умъ,
 И въ необдуманномъ письмѣ
 Любовь невинной дѣвы дышешь.
 Письмо гошово, сложено...
 Тапьяна! для когожь оно?

XXII.

Я зналъ красавиць недоступныхъ,
 Холодныхъ, чистыхъ какъ зима;
 Неумолимыхъ, неподкупныхъ,
 Непоспижимыхъ для ума;

Дивился я ихъ спѣси модной,
Ихъ добродѣтели природной,
И признаюсь, опъ ихъ бѣжалъ,
И мнился съ ужасомъ чипаль
Надъ ихъ бровями надпись ада:
Освавъ надежду навсегда.
Внушавъ любовь для нихъ бѣда,
Пугавъ людей для нихъ опрада.
Быть можешъ, на берегахъ Невы
Подобныхъ дамъ видали вы.

XXIII.

Среди поклонниковъ послушныхъ
Другихъ причудницъ я видалъ,
Самолюбиво равнодушныхъ
Для вздоховъ спраспныхъ и похвалъ.
И чшожь нашель я съ изумленьемъ?
Онъ суровымъ поведеньемъ

Пугая робкую любовь,
 Ее привлечь умѣли вновь,
 По крайней мѣрѣ, сожалѣемъ,
 По крайней мѣрѣ, звукъ рѣчей
 Казался иногда нѣжнѣй,
 И съ легковѣрнымъ ослѣпленемъ
 Опяшь любовникъ молодой
 Бѣжалъ за милой суешой.

XXIV.

За чтожь виновнѣе Ташьяна?
 За толь, что въ милой простомъ
 Она не вѣдаетъ обмана
 И вѣришь избранной мечпъ?
 За толь, что любитъ безъ искусства,
 Послушная влеченю чувства,
 Что шакъ доврчива она,
 Что ошь небесь одарена

Воображеніемъ мяжежнымъ,
 Умомъ и волею живою,
 И своенравной головой,
 И сердцемъ пламеннымъ и нѣжнымъ?
 Ужели не проспише ей
 И легкомыслія спрасшей?

XXV.

Кокешка судишь хладнокровно,
 Тапьяна любишь не шуя
 И предаешься безусловно
 Любви, какъ милое дитя.
 Не говоришь она: опложимъ;
 Любви мы цѣну шѣмъ умножимъ,
 Вѣрнѣ въ сѣпи заведемъ;
 Сперва щеславіе кольнемъ
 Надеждой, шамъ недоумѣнемъ
 Измучимъ сердце, а пошомъ

Ревнивымъ оживимъ огнемъ ;
 А шо , скучая наслажденьемъ ,
 Невольникъ хитрый изъ оковъ
 Всечасно вырвашься гошовъ.

XXVI.

Еще предвижу затрудненье :
 Родной земли спасая честь ,
 Я долженъ буду , безъ сомнѣнья ,
 Письмо Тапьяны перевести .
 Она поруски плохо знала ,
 Журналовъ нашихъ не читала ,
 И выражалася съ шрудомъ
 На языкъ своемъ родномъ ,
 И шакъ писала пофранцузски .
 Чшо дѣлашь ! повшоряю вновь :
 Донынѣ дамская любовь
 Не изьяснялася поруски ,

Донынѣ гордый нашъ языкъ
 Къ почтовой прозѣ не привыкъ.

XXVII.

Я знаю: дамъ хопяпъ заставитъ
 Чипашъ поруски. Право, спрахъ!
 Могу ли ихъ себѣ представитъ
 Съ Благонамѣреннымъ въ рукахъ!
 Я шлюсь на васъ, мои поэмы;
 Не правда ли? милые предметы,
 Которымъ, за свои грѣхи,
 Писали вшайнѣ вы стихи,
 Которымъ сердце посвящали,
 Не всѣ ли, рускимъ языкомъ
 Владѣя слабо и съ шрудомъ,
 Его шакъ мило искажали,
 И въ ихъ успахъ языкъ чужой
 Не обратился ли въ родной?

XXVIII.

Не дай мнѣ Богъ сойшись на балѣ
 Иль при разѣздѣ на крыльцѣ
 Съ семинаристомъ въ желшой шалѣ
 Иль съ академикомъ въ чепцѣ!
 Какъ успѣ румяныхъ безъ улыбки,
 Безъ грамматической ошибки
 Я русской рѣчи не люблю.
 Бышь можешь, на бѣду мою,
 Красавиць новыхъ поколѣнье,
 Журналовъ внявъ молящій гласъ,
 Къ грамматикѣ пріучишь насъ;
 Спихи введуть въ употребленье:
 Но я.... какое дѣло мнѣ,
 Я вѣренъ буду старинѣ.

XXIX.

Неправильный, небрежный лепеть,
 Нешочный выговоръ рѣчей,

Попрежнему сердечный препенъ
Произведущъ въ груди моей;
Раскаяшся во мнѣ нѣшъ силы,
Мнѣ галлицизмы будушъ милы,
Какъ прошлой юности грѣхи,
Какъ Богдановича стихи.

Но полно. Мнѣ пора заняшся
Письмомъ красавицы моей;
Я слово даль, и чшожь? ей ей
Теперь гошовъ ужъ отказашся.
Я знаю: нѣжнаго Парни
Перо не въ модѣ въ наши дни.

XXX.

Пѣвецъ Пировъ и груспи помной,
Когдабъ еще шы былъ со мной,
Я спаль бы просьбою нескромной
Тебя превожипшъ, милый мой:

Чшобъ на волшебные напѣвы
 Переложилъ шы спрасшной дѣвы
 Иноплеменные слова.
 Гдѣ шы? приди: свои права
 Передаю шебѣ съ поклономъ...
 Но посреди печальныхъ скаль,
 Ошвыкнувъ сердцемъ ошъ похваль,
 Одинь, подь Финскимъ небосклономъ,
 Онъ бродишь, и душа его
 Не слышишь горя моего.

XXXI.

Письмо Тапьяны предо мною;
 Его я свяшо берегу,
 Чишаю съ шайною поскою.
 И начишапья не могу.
 Кшо ей внушаль и эшу нѣжность,
 И словъ любезную небрежность?

Кто ей внушалъ умильный вздоръ,
 Безумный сердца разговоръ
 И увлекашелейный и вредный?
 Я не могу понять. Но вошь
 Неполный, слабый переводъ,
 Съ живой картины списокъ блѣдный,
 Или разыгранный Фрейшицъ
 Персами робкихъ ученицъ.

Письмо Татьяны къ Онѣгину.

Я къ вамъ пишу — чего же боль?
 Чшо я могу еще сказать?
 Теперь, я знаю, въ вашей волѣ
 Меня презрѣемъ наказать.
 Но вы, къ моей несчастной долѣ
 Хоть каплю жалости храня,
 Вы не оставите меня.
 Сначала я молчать хощѣла;

Повѣрьте: моего спыда
Вы не узналибъ никогда,
Когдабъ надежду я имѣла
Хошь рѣдко, хошь въ недѣлю разъ
Въ деревнѣ нашей видѣшь васъ,
Чтобъ шолько слышашъ ваши рѣчи,
Вамъ слово молвишь, и попомъ
Все думашъ, думашъ объ одномъ
И день и ночь до новой встрѣчи.
Но говорящъ, вы нелюдимъ;
Въ глуши, въ деревнѣ все вамъ скучно,
А мы... ничѣмъ мы не блесшимъ,
Хошь вамъ и рады просподушно.

Зачѣмъ вы посѣщили насъ?
Въ глуши забышаго селенья,
Я никогда не зналабъ васъ,
Не зналабъ горькаго мученья.

Души неопытной волнеья,
Смиривъ со временемъ (какъ знать?),
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы вѣрная супруга
И добродѣтельная мать.

Другой!... Нѣтъ, никому на свѣтъ
Не опдала бы сердца я!
То въ вышнемъ суждено совѣтъ...
То воля неба: я швоя;
Вся жизнь моя была залогомъ
Свиданья вѣрнаго съ шбой;
Я знаю, ты мнѣ посланъ Богомъ,
До гроба ты хранишель мой...
Ты въ сновидѣньяхъ мнѣ являлся,
Незримый, ты мнѣ былъ ужъ миль,
Твой чудный взглядъ меня шомилъ,
Въ душѣ швой голосъ раздавался.

Давно... нѣшь, эшо быль не сонъ!
Ты чупь вошелъ, я вмигъ узнала,
Вся обомѣла, запымала
И въ мысляхъ молвила: вошь онъ!
Не правдаль! я шебя слыхала:
Ты говорилъ со мной въ пиши,
Когда я бѣднымъ помогала,
Или молишвой услаждала
Тоску волнуемой души?
И въ эшо самое мгновенье
Не шы ли, милое видѣнье,
Въ прозрачной шемношѣ мелкнулъ,
Приникнулъ шихо къ изголовью?
Не шы ль, съ опрадой и любовью,
Слова надежды мнѣ шепнулъ?
Кшо шы: мой Ангель ли хранишель,
Или коварный искуситель:
Мои сомнѣнья разрѣши.

Бышь можешь, это все пустое,
Обманъ неопытной души!

И суждено совсѣмъ иное....

Но такъ и бышь! Судьбу мою

Опнынѣ я шебѣ вручаю,

Передъ побою слезы лью,

Твоей защиты умоляю...

Вообрази: я здѣсь одна,

Никшо меня не понимаешь,

Разсудокъ мой изнемогаетъ,

И молча гибнушь я должна.

Я жду шебя: единымъ взоромъ

Надежды сердца оживи,

Иль сонъ тяжелый перерви,

Увы, заслуженнымъ укоромъ!

Кончаю! спрашно перечешть...

Спыдомъ и спрахомъ замираю...

Но мнѣ порукой ваша честь,
И смѣло ей себя ввѣрю...

XXXII.

Ташьяна по вздохнешь, по охнешь;
Письмо дрожишь въ ея рукѣ;
Облашка розовая сохнешь
На воспаленномъ языкѣ.
Къ плечу головушкой склонилась.
Сорочка легкая спустилась
Съ ея прелестнаго плеча.
Но вошь ужь луннаго луча
Сіянье гаснешь. Тамъ долина
Сквозь парь яснѣешь. Тамъ пошокъ
Засеребрился; шамъ рожокъ
Паспушій будишь селянина.
Вошь ушро; всшали всѣ давно:
Моей Ташьянѣ все равно.

XXXIII.

Она зари не замѣчаетъ,
 Сидишь съ поникшею главою
 И на письмо не напираешь
 Своей печашаи вырѣзной.
 Но, дверь пихонько опширая,
 Ужь ей Филиппевна сѣдая
 Приносишь на поднось чай.
 «Пора, дитя мое, вспавай:
 Да шы, красавица, гошова!
 О пшашка ранняя моя!
 Вечорь ужь какъ боялась я?
 Да, слава Богу, шы здорова!
 Тоски ночной и слѣду нѣшь,
 Лице швое какъ маковъ цвѣшь.»

XXXIV.

— Ахъ! няня, сдѣлай одолженье —
 «Изволь, родная, прикажи.»

— Не думай... право... подозрѣнье...
 Но видишь... Ахъ! не опскажи. —
 « Мой другъ, вошь Богъ шебъ порука. »
 — И такъ пошли психонько внука
 Съ запиской эшой къ О... къ шому
 Сосѣду... да вельшь ему —
 Чшобъ онъ не говорилъ ни слова,
 Чшобъ онъ не называль меня... —
 « Кому-же, милая моя ?
 Я нынче спала безполкова,
 Кругомъ сосѣдей много есть ;
 Куда мнѣ ихъ и перечесшь. »

XXXV.

— Какъ недогадлива шы, няня! —
 « Сердечный другъ, ужъ я спара,
 Спара; шупъешь разумъ, Таня ;
 А то, бывало, я воспра,

Бывало, слово барской воли... »

— Ахъ, няня, няня! до шого-ли?

Чшо нужды мнѣ въ швоемъ умѣ?

Ты видишь, дѣло о письмѣ

Къ Онѣгину. — « Ну дѣло, дѣло.

Не гнѣвайся, душа моя,

Ты знаешь, непоняшна я...

Да чшожь шы снова поблѣднѣла? »

— Такъ, няня, право ничего.

Пошли же внука своего. —

XXXVI.

Но день прошекъ, и нѣшь отвѣта.

Другой наспаль: все нѣшь, какъ нѣшь.

Блѣдна, какъ шѣнь, съ ушра одѣша,

Ташьяна ждешъ: когдажь отвѣтъ?

Пріѣхаль Ольгинь обожапель.
Скажише : гдѣ же вашъ пріѣшель ?
Ему вопросъ хозяйки быль ;
Онъ чшо-шо насъ совсѣмъ забыль.
Ташьяна, вспыхнувъ, задрожала.
Сегодня бышь онъ обѣщаль ,
Спарушкѣ Ленской опшвѣчаль ,
Да видно почта задержала.
Ташьяна пошупила взоръ ,
Какъ будшо слыша злой укоръ.

XXXII.

Смеркалось ; на столъ блистная
Шипѣль вечерній самоваръ ,
Кипайскій чайникъ нагрѣвая ;
Подъ нимъ клубился легкій паръ.

Разлишый Ольгиной рукою,
 По чашкамъ темною спруею
 Уже душистой чай бѣжалъ,
 И сливки мальчикъ подавалъ;
 Тапьяна предъ окномъ спояла,
 На спекла хладныя дыша,
 Задумавшись, моя душа
 Прелеснымъ пальчикомъ писала
 На опуманенномъ спеклѣ
 Завѣшный вензель *О да Е.*

XXXVIII.

И между тѣмъ, душа въ ней ныла
 И слезъ былъ полонъ помный взоръ.
 Вдругъ попошь!... кровь ея заспыла.
 Вопь ближе! скачущь... и надворъ
 Евгений! « Ахъ! » и легче тѣни
 Тапьяна прыгъ въ другія сѣни

Съ крыльца на дворъ , и прямо въ садъ ,
 Лешипь , лешипь ; взглянушь назадъ
 Не смѣешь ; мигомъ обѣжала
 Курпины , моспики , лужокъ ,
 Аллею къ озеру , лѣсокъ ,
 Кусты сирень переломала ,
 По цвѣтникамъ лешя къ ручью
 И задыхаясь , на скамью

XXXIX.

Упала...

« Здѣсь онъ ! здѣсь Евгений !

О Боже ! что подумаль онъ ! »

Въ ней сердце полное мученій

Хранишь надежды темный сонъ ;

Она дрожитъ и жаромъ пышитъ ,

И ждешь : нейдешь ли ? Но не слышишь .

Въ саду служанки, на грядяхъ,
 Сбирали ягоду въ кустахъ
 И хоромъ по наказу пѣли
 (Наказъ, основанный на шомъ,
 Чшобъ барской ягоды шайкомъ
 Успа лукавыя не фли,
 И пѣнемъ были заняшы:
 Запѣя сельской оспрошы!).

Пѣсня двѣушекъ.

Дѣвицы, красавицы,
 Душеньки, подруженьки,
 Разыграйшесь, дѣвицы,
 Разгуляйшесь, милыя!
 Запьяните пѣсенку,
 Пѣсенку завѣшную,

Заманише молодца
 Къ хороводу нашему.
 Какъ заманимъ молодца,
 Какъ завидимъ издали,
 Разбѣжимшесь, милыя,
 Закидаемъ вишеньемъ,
 Вишеньемъ, малиною,
 Красною смородиной.
 Не ходи подслушивать
 Пѣсенки завѣшныя,
 Не ходи подсмащивать
 Игры наши дѣвичьи.

XL.

Онъ поюшь, и съ небреженьемъ,
 Внимая звонкой голосъ ихъ,
 Ждала Ташьяна съ нешерпѣньемъ,
 Чшобъ прещепъ сердца въ ней зашихъ,

Чтобы прошло ланишь пыланье,
Но въ персяхъ шже шрепешанье,
И не проходишь жарь ланишь,
Но ярче, ярче лишь горить.
Такъ бѣдный мошылекъ и блещеть
И бьешся радужнымъ крыломъ,
Плѣненный школьнымъ шалуномъ;
Такъ зайчикъ въ озими шрепещеть,
Увидя вдругъ издалека
Въ кусты припадшаго шрѣлка.

XLI.

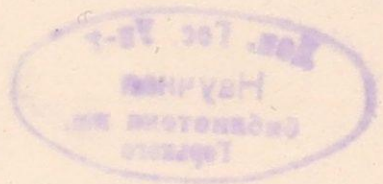
Но наконецъ она вздохнула
И всшала со скамьи своей;
Пошла, но шолько повернула
Въ аллею; прямо передь ней,
Блissingая взорами, Евгенийъ
Стоишь подобно грозной шѣни,

И какъ огнемъ обожжена
Остановилася она.
Но слѣдствія неожиданой встрѣчи
Сегодня, милые друзья,
Перескажашъ не въ силахъ я;
Мнѣ должно послѣ долгой рѣчи
И погуляшъ и опдохнушъ :
Докончу послѣ какъ нибудь.

[75 P]

СПбГУ

С176Гу

Продается въ С. Петербургѣ,
во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, по
пяти рублей за экземпляръ.
За пересылку въ другіе города
прилагается 80 копѣекъ.